

— Вот эти три препарата нужно принимать утром во время еды, этот — перед сном, а этот — через день. И не запирайся постоянно дома. Почаще гуляй, бывай на солнце — это помогает поднять настроение, — Дэн Чжоуянь вложил пакет с лекарствами в руки Ли Чжи.

Ли Чжи молча принял пакет. Дэн Чжоуянь посмотрел на его макушку, подавляя внезапное желание ласково взъерошить парню непослушные вихры. Опустив взгляд, доктор мягко улыбнулся:

— Когда вернёшься домой... если станет тяжело, сразу пиши мне.

Он понизил голос:

— Захочешь увидеться — просто набери мой номер. Приходи в любое время. Ты у меня единственный пациент, так что я совершенно свободен.

Ли Чжи снова промолчал, лишь послушно кивнул.

Он опустил на корточки и принялся неторопливо собирать вещи. Каждое движение давалось ему с трудом; уложив всё, он принимался перепроверять содержимое чемодана по третьему кругу. Когда Ли Чжи в очередной раз открыл замок, чтобы перерыть аккуратно сложенную одежду, Чжоуянь не выдержал, присел рядом и тихо спросил:

— Что-то потерял?

— Боюсь забыть что-нибудь, — ответил Ли Чжи.

Чжоуянь помог ему закрыть и поднять чемодан.

— Ничего ты не забыл, Ли-тунсюэ. Ты проверил уже раз пять.

Ли Чжи не двигался. Он так и остался стоять на месте, отрешённо уставившись на чемодан. Чжоуянь вздохнул с беззлобной улыбкой:

— Даже если что-то останется — не переживай, я сразу тебе сообщу. Не нервничай... Ну пойдём, я провожу тебя.

Доктор потянулся к ручке чемодана, но Ли Чжи мягко уклонился, не позволяя забрать багаж. Он молча зашагал к выходу. Чжоуянь шёл следом, слегка нахмурившись и не сводя беспокойного взгляда со спины своего подопечного.

Лёгкие навязчивые состояния, провалы в памяти, неестественно сутулая, исхудавшая спина...

Психическое состояние Ли Чжи оставалось крайне хрупким. Он всё ещё находился в процессе терапии, и при подобных симптомах выписывать пациентов настоятельно не рекомендовалось.

Однако мать Ли Чжи настояла на выписке. Все бумаги были подписаны, и любые возражения Чжоуяня потеряли силу. Ему оставалось лишь смириться и смотреть, как забирают его пациента.

Они спустились на первый этаж. У входа уже ожидал представительский «бентли». Водитель расторопно выскочил наружу, перехватил чемодан, а Ли Чжи быстро забрался в салон. Раздался глухой стук закрывшейся двери.

Стекло плавно поползло вниз. Из салона на Чжоуяня уставились грустные глаза Ли Чжи. Врач ободряюще махнул ему рукой:

— Не забывай про лекарства!

Двигатель глухо взрыкнул, и машина тронулась с места, быстро набирая ход. Ли Чжи отвёл взгляд и закрыл окно. В ту же секунду над самым ухом раздался холодный женский голос:

— Вернулся к матери — и даже не поздоровался?

Ли Чжи повернул голову. Рядом сидела Ван Сяочунь. Она окинула сына придирчивым взглядом, и её холёное красивое лицо исказилось в недовольной гримасе:

— Всё такой же заморыш. Смотреть тошно. Руку покажи.

Ли Чжи беспрекословно подчинился и протянул руку.

Ван Сяочунь грубо закатала его рукав. Старые шрамы, когда-то густо покрывавшие предплечье, поблекли и стали почти неразличимы. Напряжение на её лице спало, она собиралась что-то сказать, но в этот момент машину резко тряхнуло. Пассажиров швырнуло вперёд.

— Да что там такое?! — раздражённо воскликнула женщина.

— Простите, госпожа, впереди авария, кто-то притёрся, — торопливо отозвался водитель.

Ли Чжи машинально повернулся к окну, скользнув взглядом по улице. И тут же оцепенел.

Он смотрел в окно широко распахнутыми глазами, не веря собственному зрению. Всё произошло за долю секунды: вырвав руку из хватки матери, Ли Чжи рванул на себя ручку

двери и выскочил из салона прямо на проезжую часть.

Машина ещё катилась по инерции. Ли Чжи не удержал равновесие, кубарем покатился по асфальту, сильно ободрав колени. Но дикая боль не остановила его. Не обращая внимания на яростный крик Ван Сяочунь, донёсшийся из салона, он вскочил и очертя голову бросился вслед за скользнувшим в толпе силуэтом.

Он лавировал между застывшими в заторе машинами, мчался изо всех сил, не замечая ничего вокруг, стремясь поскорее добраться до тротуара.

Его взгляд намертво прикипел к фигуре на противоположной стороне пешеходного перехода. Белый свитер, серое пальто, на шее — массивные наушники, на ногах — безупречно чистые кроссовки... Ли Чжи лихорадочно тёр глаза ладонями, снова и снова, с такой силой, что нежная кожа век запылала от боли.

Тот человек стоял у самого края тротуара. Загорелся зелёный свет, и мимо него хлынул поток прохожих. Ли Чжи сделал шаг вперёд, ведомый непреодолимым, безумным порывом... Резкий порыв осеннего ветра хлестнул его по лицу, швырнув пряди волос в глаза. Он на миг зажмурился, а когда ветер утих — зелёный сигнал уже погас.

Вспыхнул красный. Мимо с рёвом пронеслась вереница машин, обдав Ли Чжи едким облаком выхлопных газов и заставив его попятиться назад.

Он потерял счёт секундам. Когда гудящий поток наконец схлынул и Ли Чжи, собрав остатки мужества, приготовился ринуться через дорогу, на той стороне улицы уже никого не было.

Всего пара минут, короткое мгновение — и живой человек растаял без следа. Промелькнул призраком перед глазами и исчез, как унёсшийся ветер.

В груди заныло так остро, что перехватило дыхание.

Вдруг чьи-то пальцы больно впились ему в плечо. Ли Чжи вздрогнул и резко обернулся:

— Мин...

Слово застряло в горле. Он уставился на разъярённое лицо стоявшей перед ним матери и заставил себя проглотить имя, готовое сорваться с губ. Ощущение было такое, словно он заживо заглотил лезвие бритвы, располозовавшее гортань в кровь.

— Ты совсем из ума выжил?! — Ван Сяочунь буквально трясло от гнева. — Кто позволил тебе выпрыгивать из машины на ходу?! Под колёса захотел?!

Не слушая оправданий, она мёртвой хваткой вцепилась в его локоть и потащила обратно к припаркованному у обочины «бентли».

Всю оставшуюся дорогу — а ехали они без малого час — Ли Чжи не проронил ни слова. Он безучастно смотрел в окно на проплывающий мимо городской пейзаж. Но перед глазами всё плыло, затянутое пеленой непролитых слёз.

Спешка, с которой Ван Сяочунь забирала сына из лечебницы, объяснялась просто: Чжоу Госюн возвращался из-за границы.

Судьбу Госюня завидной назвать было трудно. Бог наделил его тремя сыновьями, но первенец умер во младенчестве, второго он собственноручно выслал из страны, фактически разорвав с ним всякие отношения, и лишь третий — Ли Чжи — до сих пор оставался подле него.

Ван Сяочунь прекрасно знала, что муж никогда не жаловал пасынка. Его раздражали нелюдимость и заторможенность мальчика, в котором Госюн видел неискоренимую, въевшуюся в кости нищету. Впрочем, иного ожидать не приходилось: если родного сына, возвращённого на его глазах, он без колебаний сослал в изгнание, то что говорить о чужом ребёнке, доставшемся ему во втором браке.

Сама Ван Сяочунь больше иметь детей не могла, однако Чжоу Госюню ничто не мешало обзавестись наследниками на стороне. С его колоссальным состоянием он при желании мог бы содержать хоть сотню бастардов.

Появление соперницы с младенцем на руках стало бы для неё крахом. Ван Сяочунь намерена была во что бы то ни стало удержать позиции: их маленькая ячейка общества должна казаться безупречной, единой семьёй — по крайней мере, в глазах самого Госюня.

Поэтому едва Чжоу Госюн переступил порог дома, супруга тут же предложила совершить совместное паломничество в храм — совершить обряд и вымолить благословение.

— В храм? — удивился Госюн. — Ты ведь никогда не верила в подобные вещи.

— Глупости какие, — Ван Сяочунь игриво шлёпнула его по плечу и мягко улыбнулась. — Разве бывают китайцы, которые в глубине души не верят в это?.. К тому же...

Она запнулась, словно борясь с нахлынувшими чувствами. Её брови печально сошлись у переносицы, а губы приоткрылись, но она так и не закончила фразу.

Вид расстроенной супруги мгновенно растопил сердце мужчины. Он прижал её к себе за плечи и заглянул в лицо:

— К тому же — что? Не молчи, дорогая, поделись со мной.

Ван Сяочунь слабо прильнула к его плечу, продолжая безмолвствовать, и тогда тишину нарушил Ли Чжи, сидевший на соседнем диване:

— Мама в последнее время совсем потеряла сон. Говорит... ей часто снится, будто братик плачет. Вот она и хочет попросить монахов отслужить молебен.

— Не выдумывай чепухи! — укоризненно взглянула на него Ван Сяочунь. Она теснее прижалась к мужу, положив изящную ладонь ему на грудь. — На самом деле всё из-за Сяо Чжи... Пока ты был в разъездах, он только и делал, что спрашивал о тебе. Всё переживал, как у папы дела, здоров ли ты... А я, негодная, отмахивалась, мол, всё в порядке, не бери в голову. Мальчик держал всё в себе, истосковался по отцовской заботе — оттого и слёг в больницу от переживаний.

От этой откровенной лжи Ли Чжи передёрнуло, по коже пробежали неприятные мурашки. Он поспешно опустил голову, не смея встретиться взглядом с отчимом.

Чжоу Госюн вряд ли поверил супруге до конца, однако первое замечание Ли Чжи о покойном сыне больно задело его старую рану. Изящный, скорбный вид жены придавал её словам веса, а укол уязвлённой совести заставил отчима поверить в искренность этой заботы.

— Вот как... — вздохнул Чжоу Госюн. — Ну что же, пусть будет по-твоему.

Вечером Госюня ждало очередное совещание, поэтому, проведя дома от силы полчаса, он снова уехал. В просторной гостиной с высокими потолками повисло молчание. Оставшись наедине с сыном, Ван Сяочунь мгновенно сбросила маску кроткой и хрупкой женщины. Она окинула Ли Чжи холодным, оценивающим взглядом:

— А ты сегодня сообразительнее обычного. Быстро сообразил, что к чему. Хорошо.

Она замолчала, пересела ближе к нему и, подцепив его подбородок безупречно ухоженным пальцем, заставила поднять голову. Осмотрев его лицо со всех сторон, она брезгливо отстранилась.

— Семнадцать лет... С лица ты немного спал, черты заострились, — заметила она. — А то раньше выглядел как ободранный воробей. Хотя парню смазливая мордашка ни к чему. Пустой ты человек, Сяо Чжи. Никакого от тебя толку.

В тот год на новогодние праздники они решили остаться в стране. На второй день китайского Нового года вся семья отправилась в один из старинных храмов города S, славившийся своей

особой благодатью. Пока настоятель проводил молебен для Чжоу Госюня и Ван Сяочунь, Ли Чжи, предоставленный самому себе, неторопливо блуждал по территории монастыря.

К нему приблизился пожилой монах, чей возраст трудно было определить с первого взгляда. Он дружелюбно обратился к юноше на южноминьском диалекте, но Ли Чжи, не разобрав ни слова, лишь растерянно посмотрел на него.

— Хочет ли юный мирянин попросить о чём-то Будду? — мягко спросил монах уже на путунхуа.

Ли Чжи сначала качнул головой, но, помедлив мгновение, кивнул:

— Да. Хочу.

Монах тепло улыбнулся и жестом пригласил его подойти к массивной каменной курильнице, установленной в центре двора. Ловким, почти фокусническим движением он достал три благовонные палочки, разжёг их от тлеющих углей и вложил в руки юноши.

— Мысленно назови своё имя, дату рождения и домашний адрес. Поклонись на все четыре стороны света, а после опусти благовония в чашу.

Ли Чжи послушно кивнул. Он мельком глянул сквозь открытые двери храма на Ван Сяочунь и Чжоу Госюня. Настоятель как раз окроплял их святой водой из священного сосуда Гуаньинь. Супруги стояли, благоговейно сомкнув ладони у груди, всем своим видом выражая глубочайшую покорность судьбе.

— Скажите... — Ли Чжи отвёл взгляд и негромко задал, казалось бы, совершенно нелепый вопрос: — Гневается ли Будда на людскую жадность? Могут ли мои сокровенные желания исполниться? И если они исполнятся... придётся ли мне заплатить за это?

Монах негромко призвал имя Будды Амитабхи и ласково ответил:

— Будда безгранично милосерден, дитя моё. Он не судит строго чаяния смертных. Не тревожь своё сердце напрасными страхами. Что же касается обретения и потерь... Всё в поднебесном мире связано невидимыми нитями причин и следствий.

С этими словами старик тихо удалился. Ли Чжи долго смотрел на струящиеся дымком палочки в своих руках. Поколебавшись, он всё же последовал совету: мысленно произнёс своё имя, поклонился на север, юг, восток и запад, а затем бережно воткнул благовония в песок курильницы.

К тому моменту, как он закончил, обряд внутри храма завершился. Ван Сяочунь и Чжоу Госюн не спеша вышли на площадь. Ли Чжи направился к ним навстречу. Заметив приближение пасынка, Ван Сяочунь тут же нацепила маску заботливой матери:

— О чём же наш Сяо Чжи молил Бодхисаттву?

Юноша не ответил. Вместо этого он совершил неслыханную для себя дерзость — посмотрел прямо в глаза отчиму и спросил:

— А о чём просил папа? И о чём молилась мама?

Супруги на мгновение опешили от такой прямоты. Чжоу Госюн первым справился с замешательством и добродушно усмехнулся:

— Обычное дело, сынок. Просил у неба покоя и благополучия для всей нашей семьи.

— Да, именно так... — поспешно закивала Ван Сяочунь. — Покоя и крепкого здоровья для всех нас.

Ли Чжи опустил глаза и едва заметно, грустно улыбнулся:

— Что ж. Я просил точно о том же.

Они пошли прочь от главных ворот. Ли Чжи намеренно приотстал, погружённый в собственные думы. Повинуясь внезапному внутреннему порыву, он обернулся и посмотрел назад. Там, в полумраке храма, высилась величественная статуя Бодхисаттвы Гуаньинь. Её полуприкрытые веки были опущены, словно она провожала его тихим, всезнающим взглядом.

Но лишь богам было ведомо, какие тёмные и корыстные помыслы скрывались в сердцах его родителей на самом деле.

Монах толковал о законе причин и следствий. Ли Чжи понимал: за всякое обретение приходится платить утратой. Но чего он желал всей душой?

Он отчаянно, до боли хотел любви. Искренней, бескорыстной привязанности. Того безусловного, чистого тепла, которым когда-то согревал его покойный приёмный отец.

Отец ушёл навсегда, но взамен безжалостная судьба послала ему другого человека. Тот не отличался кротким и мягким нравом, однако рядом с ним Ли Чжи впервые за долгие годы ощутил себя в абсолютной безопасности. И эта безопасность породила в его душе глубокую, пугающую зависимость.

Ли Чжи любил его. О, если бы эта любовь была взаимной... Как было бы прекрасно, если бы они могли просто любить друг друга. Если бы он только мог обрести эту долгожданную, настоящую близость.

И, стоя перед безмолвным ликом божества, Ли Чжи мысленно поклялся: он готов отдать за это всё, что угодно. Любую цену, без остатка.

<http://bllate.org/book/20441/2185850>